

УДК 94(470.6)
ББК 63.3 (235.7)
Б 91

Л.В. Буркина,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-(8772)54-87-65, 8-918-428-28-25, e-mail: mila.burykina@mail.ru

Культурно-просветительская политика российского правительства на Северо-Западном Кавказе в XIX в. (Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается сложная и многоаспектная проблема исследования механизмов приобщения адыгов к той системе ценностей, которую российское правительство пыталось «прививать» среди горского населения Северо-Западного Кавказа в XIX в. Автор приходит к выводу, что правительственная политика в области образования и просвещения горцев не только способствовала европеизации и сохранению их самобытной культуры, но ставила своей целью и решение стратегических задач Российской империи по покорению Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, российское правительство, адыги, культурно-просветительская политика, религиозный фактор, институт аманатства, система светского образования.

L. V. Burykina,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian history, historiography, the theory and methodology of history of Adyghe State University, Maikop, tel.: 8-(8772)54-87-65, 8-918-428-28-25, e-mail: mila.burykina@mail.ru

Cultural and educational policy of the Russian government in the Northwest Caucasus in the nineteenth century

Abstract. The article deals with a complex and many-sided problem of investigating the mechanisms of attaching Adyges to the system of values which the Russian government was trying to “impose” among the mountain dwellers of the Northwest Caucasus in the XIX century. The author concludes that the government’s instruction and education policy of the mountaineers not only promoted Europeanization and preserve their unique culture, but was aimed at the strategic objectives of the Russian Empire for the conquest of the North Caucasus.

Keywords: North-West Caucasus, the Russian government, Circassians, cultural and educational policy, a religious factor, amanat institute, secular education system.

Конец XVIII — начало XIX вв. ознаменовались значительным усилением России на Северном Кавказе. Это было связано и с успешными русско-турецкими войнами (1768-1774, 1787-1791 и 1806-1812 гг.), и с нарастанием российской ориентации ряда горских народов, которые видели в Российской империи защитника

от притязаний на их земли Османской империи и Ирана.

С 1783 г. российская граница на Северном Кавказе стала проходить по Тереку и Кубани. В 1790-х гг. черноморскими казаками заселяются низовья Кубани, а для защиты среднего ее течения на постоянное место жительства сюда переводится часть

донского казачества. Несмотря на то, что взаимоотношения казачества с государственной властью были тогда не всегда беспроблемными, укоренившееся в сознании казаков представление о святости долга по защите Отечества делало северокавказское казачество эффективным инструментом для проведения российской политики в регионе.

Было бы необоснованно представлять взаимоотношения казаков и горцев в конце XVIII — начале XIX вв. как одни лишь вооруженные столкновения, участие казаков в «репрессалиях» за совершенные набеги и т.п. Следует отметить и другое: мирные контакты казаков и горцев продолжались и в периоды эскалации напряженности в ряде местностей Северного Кавказа. Это можно связать хотя бы уже и с известной близостью некоторых черт традиционного уклада жизни казаков и горцев, со сложившейся системой куначества, а местами — и родственных связей [1].

В данном контексте можно предположить, что наличие в конце XVIII — начале XIX вв. казачества на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе стимулировало процесс постепенного «узнавания» горцами российского взгляда на местную обстановку; пусть медленное, но все же приобщение их к той системе ценностей, которую российское правительство пыталось «прививать» среди горского населения.

«Начав войну, — подчеркивает известный кавказовед проф. Э.А. Шеуджен, — России пришлось столкнуться на Северном Кавказе с неизвестным миром, с народами, имеющими другие традиции и обычаи. По мере развития событий, наряду с острейшими военнополитическими проблемами, актуальными становились знания о народах региона» [2].

Среди разнообразных способов выйти из тупика «Кавказской войны» мирным методам уделялось весьма существенное место [3]. После подписания Адрианопольского мирного договора, как, впрочем, и ранее, такие надежды не оставляли российскую администрацию. Поэтому культурно-

просветительская политика российского правительства заслуживает особого внимания и изучения.

Одним из важнейших составляющих в российской политике в северокавказском регионе являлся религиозный фактор. Еще в 1814 г., по указанию Александра I, в Тифлисе была учреждена Духовная Осетинская Комиссия, которой надлежало заниматься активной миссионерской деятельностью среди горских народов, и наряду с проповедью христианских идей она должна была прививать им мысль о необходимости подчиняться законам Российской империи и выполнять требования кавказской администрации [4]. Однако созданная комиссия не оправдала возлагаемых на нее надежд, поскольку, по словам исследователя данного вопроса И. Беляева, грузинские проповедники, которым была поручена миссионерская деятельность, добивались перехода в христианство за счет «раздачи денег и подарков» [5]. Такие «христиане» легко отказывались от своих убеждений и переходили в другую веру.

По указанию Николая I в апреле 1829 г. было решено приступить к устройству Миссионерского Общества на Кавказе. Теперь к лицам, выбравшим для себя столь нелегкий путь, предъявлялись высокие требования. Например, они «должны иметь познания: в истории, особенно Русской, и того края, в котором должны проповедовать учение... В общей медицине и хирургии, дабы, помогая страдающим недугами, могли приобрести истинное расположение и доверенность горцев... Необходимо познание языка того народа, в котором должно распространяться учение... [6]».

В качестве «средств к наибольшему сближению горцев с русскими» выделялось «учреждение училищ для образования горцев; установление письмен для господствующих в горах наречий и, наконец, перевод на оный, как необходимый для христианина, книг церковных, так равно и кратких удобнопонятных исторических рассказов, в особенности о России, и других

начальных полезных сведений» [7]. Отмечалась недопустимость оказания помощи миссионерам посредством силовых мер со стороны военной администрации, как это нередко практиковалось ранее Осетинской Комиссией.

В сложных кавказских реалиях российская администрация вела скрупулезный учет тех военнопленных горцев и аманатов, которые «по изъявленным от них желаниям обращены в христианскую веру и водворены на жительство по Кавказской области» [8] и всячески поддерживала эти начинания. С целью приобщения горцев к христианству российское правительство шло на предоставление личной свободы холопам, которые желали креститься [9]. В условиях разгоравшейся Кавказской войны от проповеди христианских идей можно было ожидать результаты далеко не сразу. Естественно, остановить в данный момент возрастающее кровопролитие христианские миссионеры были не в состоянии. Российские власти для борьбы с учением мюридов прибегали к их же методам, желая с помощью Корана привлечь на свою сторону горцев. А.П. Ермоловым была даже составлена молитва для мусульман Кавказа, в которой верующие должны были просить у Бога милости для российского монарха [10]. Кроме того, царизм активно использовал практиковавшийся на Кавказе институт аманатства, поскольку при соответствующем воспитании и образовании люди, бывшие заложниками, могли стать среди соплеменников проводниками российской культуры и социального устройства [11].

В 1828 г. адыгский просветитель Ш. Ногмов проявил инициативу и предложил обучать детей горцев «азиатской и русской грамоте». По указанию генерала Емануэля, одобrivшего данное предложение, в феврале 1829 г. была открыта аманатская школа в крепости Нальчик, предназначенная для того, чтоб находящиеся от разных горских народов в залог покорности их аманаты занимались по мере письменным учением как на турецком, равно и на русском языках. Очевидно,

после отъезда весной 1830 г. Ш. Ногмова в Санкт-Петербург школа перестала функционировать, но полученный опыт был в дальнейшем использован при организации образования горских народов.

Безусловно, пророссийское воспитание горцев могло дать позитивный результат, о чем свидетельствует опыт императорского конвоя. Созданный в 1828 г. из знатных горцев, перестроенный двумя годами позже в «Лейб-гвардии Кавказско-горский полужэскадрон его величества конвоя» находился в ведении царского штаба — Императорской главной квартиры во главе с А.Х. Бенкендорфом [12]. Такие известные впоследствии кавказские просветители, как Хан-Гирей, Казы-Гирей, Шора Ногмов и др., были в числе тех, которые находились рядом с Николаем I. Из их числа выбирались исполнители весьма сложных и ответственных поручений государя. Сам Хан-Гирей «предлагал открывать для горцев светские школы с обучением на родном языке, готовить национальную интеллигенцию. Вместе с тем он считал, что необходимо расширить сеть и духовных училищ, где просвещали бы детей не фанатичные чужеземные пастыри, а местное духовенство» [13].

В 1829 г. русским ученым Грацилевским для членов императорского конвоя впервые был разработан адыгейский алфавит, на котором они переписывались друг с другом. И хотя он не получил широкой известности, это было важной вехой на пути приобщения народов Северного Кавказа к достижениям европейской культуры [14].

По указанию генерала А.Х. Бенкендорфа в 1835 г. детей горской феодалской элиты стали приглашать в русские учебные заведения, дабы они стали направлять «в свою очередь полезным общением родителей и родственников своих в мирные сношения с правительством» [15]. Только в русские военно-учебные заведения предполагалось ежегодно принимать до 30 человек [16]. А с 1836 г. было позволено принимать «туземное юношество» для обучения в полковых и батальонных

школах Кавказского корпуса [17]. В распространении образования российская администрация видела средство по ограничению воинственности горцев, сближению их с Россией.

С завершением Кавказской войны для поддержания стабильного мира в регионе необходимо было активизировать действия по вовлечению горских народов в систему общероссийских ценностей. Сближение адыгов Северо-Западного Кавказа, значительная часть которых исповедовала ислам, с русским населением края иногда принимало форму крещения в православных традициях. Горцы обращались к христианству по разным причинам. Например, поступали прошения о крещении горских детей, живших в казачьих семьях. В переписке попечителя горских народов с главным священником Кавказской армии подчеркивалось: «Над малолетними евреями, магометанами и язычниками, не достигшими четырнадцатилетнего возраста, совершать таинство по обряду православной веры не иначе как с согласия их родителей или опекунов, изъявленного письменно» [18].

Иногда причиной для переходов адыгов в православие было желание вступить в брак. В фонде 774 (Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами) Государственного архива Краснодарского края встречаются подобные ходатайства и положительные ответы на них. Были случаи массовых прошений о принятии православной веры. Например, горцы просили разрешения после крещения поступить на службу в Кубанское казачье войско.

Переход горцев Северо-Западного Кавказа в православие во второй половине XIX — начале XX вв. приветствовался епархиальными и местными властями. Присоединение к православному вероисповеданию происходило по желанию горца и в соответствии с общероссийским законодательством. Если до начала XX в. практиковалось изъятие принявшего крещение по православному обряду горца из привычной ему мусульманской среды, то после либерализации вероисповедного законо-

дательства обязательные переселения перестали практиковаться, но новокрещенным обеспечивалась защита местной администрации от возможных притеснений прежних единоверцев [19].

Развитие системы народного образования также являлось одной из важнейших составляющих в российской политике на Северном Кавказе, поскольку играло позитивную роль в процессе освоения этого региона. Поиск оптимального устройства кавказских школ происходил в течение длительного периода. Однако усилий только православной церкви было недостаточно. Требовались кадры чиновников из местных жителей, способных к лояльному сотрудничеству с гражданской и военной администрацией. В связи с этим необходимость организации светского образования становилась очевидной.

Становление и развитие народного образования на Северо-Западном Кавказе связано с именем протоиерея Черноморского казачьего войска К.В. Россинского, который много внимания уделял не только церковному строительству, сохранению древних памятников и краеведению, но и решению просветительских задач. С его именем связано открытие училищ и гимназии, хора, библиотеки, музея. По сути дела, этот человек стоял у истоков школьного образования на Кубани, заложил основу для формирования местной интеллигенции. Именно стараниями отца Кирилла на Кубани был зажжен факел просвещения. Налаживанию культурной жизни способствовало и создание в 1821 г. в Черномории собственной типографии, которая первоначально печатала лишь объявления, похвальные грамоты и экзаменационные билеты для уездного училища. Однако для отдаленной малообжитой Кубани и этого было достаточно, тем более благодаря этому событию спустя тридцать лет екатеринодарцы получили возможность читать местные газеты и журналы [20].

Находясь у истоков становления государственной школы, К.В. Россинский способствовал распространению

образования среди горцев. Благодаря его усилиям впервые в истории Северо-Западного Кавказа дети адыгов в начале XIX в. получили возможность обучаться в уездном училище [21].

После отмены крепостного права и окончания Кавказской войны усиливаются экономические и культурные связи между народами Северного Кавказа. Под влиянием российской модернизации традиционная экономика меняется, ведется железнодорожное строительство, формируются крупные торговые центры, появляются различные культурно-просветительские, научные общества и периодическая печать, горцы приобщаются к светскому образованию.

О новых явлениях в политическом, социально-экономическом и культурном развитии народов Северного Кавказа редакция «Сборника сведений о кавказских горцах» писала: «Переустройство горского быта совершается на наших глазах; старое в их жизни понемногу отходит, новое нарождается... Надо стать вполне гражданами русской земли, а для этого необходимо примириться с несением обязанностей гражданина — жить мирно, платить подати, трудиться, искать образования [22]».

Формирование российской системы светского образования на Северном Кавказе происходило в сложных условиях противостояния различных течений в педагогической мысли. В официальных кругах Министерства образования России считалось, что цель светского российского образования горцев — их постепенное обучение. Представители Кавказского учебного округа П.К. Услар, Л.П. Забурский, Я.М. Неверов, Л.Г. Лопатинский пришли к выводу, что российская система образования должна способствовать европеизации и сохранению самобытной культуры горского населения [23]. П.К. Услар считал, что миссия России на Кавказе

состоит в цивилизации его мирными средствами. П. Стригуненко — выпускник кубанской учительской семинарии, обосновывая необходимость реализации этих просветительских идей, писал: «Мысль об устройстве аульных школ, без сомнения, принадлежит современному вопросу о народном образовании..., что счастье народа зависит от его образования [24]».

В годы Кавказской войны развитие светского образования, проводимая миссионерская деятельность внесли свою лепту в дело умиротворения Северного Кавказа. Но хотя официальные власти в целом позитивно оценивали роль просвещения в этом процессе, должное финансирование образования отсутствовало. Объяснялось это как необходимостью огромных военных затрат, так и общим скудным содержанием образовательных учреждений в николаевской России [25].

В пореформенный период благодаря стараниям Кавказского учебного округа разрабатываются различные программы с целью просвещения широких народных масс Северного Кавказа, открываются светские школы, издаются национальные буквари, разрабатывается национальная письменность, ведется поиск ускоренной подготовки национальных педагогических кадров.

Таким образом, правительственная политика в области образования и просвещения северокавказских горцев ставила своей целью, в том числе, и решение стратегических задач Российской империи по покорению Северного Кавказа, но все это имеет безусловно вторичное значение в сравнении с реальными позитивными этно-психологическими и социально-культурными последствиями, которыми обернулось для кавказских народов массовое распространение светских школ, создание целостной и функциональной системы народного образования в крае в XIX столетии.

Примечания:

1. Виноградов Б.В. Казачество Кубани и Терек — насущная необходимость для обеспечения интересов России на Северном Кавказе в конце XVIII — начале XIX вв. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: материалы Четвертой междунар. Кубано-Терской науч.-просветительской конф. Краснодар; Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2004. С. 46.

2. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.; Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. С. 93.
3. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность: статьи, очерки, эссе. М.: Рус. панорама, 2001. С. 68-72.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. Т. VIII. С. 248.
5. Беляев И. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. СПб.: Без издательства, 1900. С. 117.
6. АКАК. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. Т. VIII. С. 254.
7. Там же. С. 259.
8. Там же. С. 850.
9. Керашев А.Т. Беглые адыги в России в XVIII — 60-х гг. XIX вв. // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1991. Вып. VIII. С. 227.
10. Берже А.П. Молитва для мусульман на Кавказе: составил в 1820 г. А.П. Ермолов // Русская старина. 1881. Октябрь. С. 454.
11. Узденова С.Б. Народное образование и педагогическая мысль в Карачае и Черкесии (до октября 1917 г.). Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1994. С. 20.
12. Попов В.В. Войны на Кавказе и западноевропейские «цивилизаторы» // Военно-исторический журнал. 1997. №4, Июль -август. С. 54.
13. Узденова С.Б. Указ. соч. С. 78.
14. Керашева З.И. К вопросу о роли русских ученых в изучении адыгских языков (XVIII — XIX вв.) // Ученые записки. Адыгейский НИИ языка, литературы и истории. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1957. Т. 1. С. 79.
15. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 382. Л. 54.
16. Покровский М.В. Политика русского царизма по отношению к адыгейской феодальной знати в конце XVIII — первой половине XIX вв. // История СССР. 1958. №1. С. 155.
17. Кошев М.А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX — начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1991. С. 16.
18. Кубанские областные ведомости. 1866. №3.
19. Кумпан Е.Н. Принятие православия горцами в контексте взаимоотношений народов Северо-Западного Кавказа второй половины XIX — начала XX вв. // Щербина Ф.А. Казачество и народы юга России: история и современность: сб. материалов VI междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: ИМСИТ, 2007. С. 114.
20. Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани / науч. ред. О.В. Матвеева. Краснодар: Традиция, 2009. С. 70.
21. Российский государственный исторический архив. Ф. 732. Оп. 2. Д. 10. Л. 3.
22. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Изд-во Главного Управления Наместника Кавказского, 1875. Вып. 8. С. 14.
23. Бекоева Т.А., Цораева Ф.Н. П.К. Услар о просвещении кавказских горцев // Вс.Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. С. 74; Бекоева Е.Д., Бекоева Т.А., Бузаева З.А. Л.Г. Лопатинский — просветитель северокавказских народов // Там же. С. 70.
24. Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX — начале XX вв.: сб. архивных документов / сост., археографическая обработка, ред. и коммент. М.З. Саблирова. Нальчик, 2001. С. 73.
25. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. С. 303.

References:

1. Vinogradov B.V. The Cossacks of the Kuban and the Terek as an urgent need for ensuring the interests of Russia in the North Caucasus at the end of the XVIII and at the beginning of the XIX centuries // From the history and culture of the line Cossacks of the North Caucasus: materials of the 4th international Kuban and Terek scient. and educational conf. Krasnodar; Armavir: Armavirskoye poligrafpredpriyatie, 2004. P. 46.
2. Sheudzhen E.A. The Adyghes (the Circassians) in the space of historical memory. M.; Maikop: ASU publishing house, 2010. P. 93.
3. Degoyev V.V. A big game in the Caucasus: history and the present: articles, sketches, essays. M.: Rus. panorama, 2001. P. 68-72.

4. The acts collected by the Caucasian archeographic commission (AKAK). Tiflis: the Printing house of the Head department of the Caucasian Deputy, 1881. V. VIII. P. 248.
5. Belyaev I. The Russian missions in the suburbs. Historical and ethnographic sketch. SPb.: the publishing house is not mentioned, 1900. P. 117.
6. AKAK. Tiflis: the Printing house of the Head department of the Caucasian Deputy, 1881. V. VIII. P. 254.
7. Ibidem. P. 259.
8. Ibidem. P. 850.
9. Kerashev A.T. The runaway Adyghees in Russia in the XVIII and the 60es of the XIX centuries // The Adyghees' culture and way of life (ethnographic researches). Maikop: the Adyghe publishing house, 1991. Iss. VIII. P. 227.
10. Berzhe A.P. A prayer for Muslims in the Caucasus: comp. by A.P. Yermolov in 1820 // Russkaya starina. 1881. October. P. 454.
11. Uzdenova S.B. The national education and pedagogical thought in Karachaye and Circassia (till October, 1917). Pyatigorsk: PGPIIYa publishing house, 1994. P. 20.
12. Popov V.V. Wars in the Caucasus and West-European «civilizers» // The military and historical journal. 1997. No. 4, July-August. P. 54.
13. Uzdenova S.B. The mentioned work. P. 78.
14. Kerasheva Z.I. On the problem of the Russian scientists' role in the Adyghe languages study (the XVIII-XIX centuries) // Proceedings of the Adyghe scientific research institute of language, literature and history. Maikop: the Adyghe publishing house, 1957. V. 1. P. 79.
15. The State Archives of Krasnodar Krai (SAKK). F. 261. Op. 1. D. 382. L. 54.
16. Pokrovsky M.V. Policy of the Russian tsarism regarding the Adyghe feudal nobility at the end of XVIII and the first half of the XIX centuries // The USSR History. 1958. No. 1. P. 155.
17. Koshev M.A. From the history of education of the North Caucasus mountain dwellers in the XIX and at the beginning of the XX century. Nalchik: Elbrus, 1991. P. 16.
18. The Kuban regional sheets. 1866. No. 3.
19. Kumpan E.N. Adoption of Orthodoxy by mountain dwellers in the context of relations between the folks of the Northwest Caucasus of the second half of the XIX and at the beginning of the XX centuries // Shcherbina F.A. The Cossacks and the folks of the South of Russia: history and the present: coll. of materials of the VI international scient. and pract. conf. Krasnodar: IMSIT, 2007. P. 114.
20. The cause of peace and love. Sketches of Orthodoxy history and culture in Kuban / scient. ed. of O.V. Matveev. Krasnodar: Traditsiya, 2009. P. 70.
21. The Russian state historical archives. F. 732. Op. 2. D. 10. L. 3.
22. Collection of data on the Caucasian mountain dwellers. Tiflis: Publishing house of the Head Department of the Caucasian deputy, 1875. Iss. 8. P. 14.
23. Bekoyeva T.A., Tsorayeva F.N. P.K. Uslar on education of the Caucasian mountain dwellers // Vs.F. Miller and actual problems of the Caucasian studies. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2008. P. 74; Bekoyeva E.D., Bekoyeva T.A., Buzayeva Z.A. L.G. Lopatinsky as an educator of the North Caucasian people // Ibidem. P. 70.
24. The national education in Kabarda and Balkaria in the XIX and at the beginning of the XX centuries: coll. of archival documents / comp. by archeographic processing, ed. and comment. by M.Z. Sablirov. Nalchik, 2001. P. 73.
25. Klychnikov Yu.Yu. The Russian policy in the North Caucasus (1827-1840). Pyatigorsk: PGLU publishing house, 2002. P. 303.